

Упразднение государства. Тезисы о соотношении анархистской и марксистской критики государства

Йоахим Брун

1994

1.

Маркс ничего не доказывает против Бакунина, Кропоткин не опровергает Ленина, Энгельс — не аргумент против Прудона, а испанский анархизм 1936-37 гг. — не альтернатива Русской революции 1917 г.

2.

Для критики государства в революционных целях анархистские и марксистские теории государства одинаково никчёмны и бесполезны, т.е. они являются лишь объектами исторического интереса. Попытки аргументировать Марксом против Бакунина только доказывают, что критик действует не на уровне реальности, которую ему хотелось бы преодолеть. Упорствование в Бакунине как в альтернативе «авторитарному социализму» — свидетельство революционной романтики.

3.

Левая классически мыслит общество в перспективе экономического кризиса и краха. Она мыслит экономику как центральное отношение эксплуатации, которое структурирует государство и из которого оно «выводится». Государство является пустым, лишённым сущности эффектом производства. И как лишённое сущности государство, оно считается — если бы оно только было демократическим государством, т.е. выведенным из-под влияния правящих классов нейтральным инструментом бескризисного планирования и управления производством. «Левая утопия» мечтает о государстве как о месте сознательной самоорганизации общества, как об администрации без власти.

4.

Точно так же классически *правая* рассматривает общество из перспективы политического кризиса и государственного переворота. Она мыслит экономику как нейтральное само по себе «удовлетворение спроса», которое, будь оно только деполитизировано и деформализировано, свело бы государство к простому средству гарантии ненасильственных актов обмена на рынке. Экономика, если бы она была

действительно организована в соответствии со своей сущностью, со свободной конкуренцией, освободилась бы от государства как от места юридической привилегии. «Правая утопия» мечтает об обществе без государства.

5.

«Левая» и «правая» служат игрой отражений политики. Это объективный парадокс буржуазного общества, где левое представление о политическом процессе — сложении *отдельных* гражданских волеизъявлений в содержание суверенитета во время демократического акта выборов — соотносится строго негативно и, следовательно, как раз комплиментарно к правому представлению об экономическом процессе: к сложению индивидуального спроса на рынке в движущую причину производства.

6.

Политическая игра отражений есть процесс слияния легальности и легитимности в суверенитет. Буржуа (*bourgeois*) выступает против гражданина (*citoyen*), а гражданин стремится к тому, чтобы поглотить и уничтожить эгоистичного участника конкуренции. В этом отношении каждая сторона постоянно воспроизводит свою противоположность. Само это отношение является воспроизводством суверенитета.

7.

Экономика и политика, общество и государство, эксплуатация и авторитет служат крайними абстракциями этой игры отражений, попыткой «вывести» одно из другого и свети к «изначальному». Критика государства с революционными намерениями должна была бы, в первую очередь, подумать об условии возможности того, чтобы говорить о своём объекте — о государстве, о деньгах — одно и другое, а в следующий момент противопоставить одно другому. Как можно размышлять о чём-то, что не подчиняется логическому правилу «исключённого третьего»?

8.

Исторические представители анархистской и марксистской теории государства, как правило, лишь воспроизводили политическую игру отражений в рядах оппозиции и подтверждали, тем самым, гегемонию объективных буржуазных форм мышления даже в самой решительной оппозиции к ним.

9.

Анархизм в его исторической форме является доведённым до крайности либерализмом, попыткой освободить буржуа от гражданина. Это радикальный либерализм горожан, мелких крестьян и ремесленников, организовывавших своё производство без наёмного труда и воспринимавших государство лишь как приказ, насилие и всеобщее налогообложение без пользы. «Общество без государства» (Эрих Мюзам) — обращённая в политическое мечта о не-капиталистической частной собственности, ухода от логики частной собственности без снятия капиталистических отношений.

Примечание

Государство выступает по отношению к обществу как произвольное *приказание* и лишь упорядочивающий, экономически стерильный *авторитет* в обществах без капиталистического обобществления и без всеобщего выборного права. Это не совпадение, что последовательный анархизм Бакунина или Кропоткина возник в царской России. Там не было баланса создаваемой обществом гегемонии, консенсуса снизу с императивами государственной власти. То, что члены общества должны желать госу-

дарства, было немыслимо в обществе, чьи члены были не гражданами, а объектами феодальной власти — из этого анархистская утопия делает свои выводы.

Кропоткин логично противопоставил абсолютистскому произволу утопию *свободного договора*. Он доказал, что правительство только угнетает и тормозит общественную спонтанность. Приказ — это смерть инициативы. В «Хлеб и воля» он пишет:

«Теперь же человечество старается освободиться вовсе от правительства и удовлетворять свои потребности путем свободного соглашения между личностями и группами, стремящимися к одной цели. Независимость каждой территориальной, земельной единицы, т.е. деревни, города, области, страны, становится настоятельной потребностью; взаимное соглашение заменяет собою понемногу законодательство и направляет отдельные частные интересы к одной общей цели, не зависимо от государственных границ. Все отправления, которые недавно еще считались исключительной принадлежностью государства, теперь оспариваются у него: без его вмешательства люди устраиваются легче и удобнее. И, рассматривая успехи, сделанные уже в этом направлении, мы неизбежно приходим к заключению, что человечество стремится свести деятельность правительства к нулю и уничтожить государство, это олицетворение несправедливости, притеснения и всевозможных монополий в руках капиталистов». (1)

Но за идеалом самоопределения нетрудно узнать автономное решение буржуазного субъекта отступить от своей воли лишь настолько, насколько договором гарантируется соответствующая выгода. Кропоткинские примеры спонтанной инициативы столь же умилительны, сколь смехотворны: примерами свободного договора служат мировое почтовое объединение, Немецкое общество спасения жизни, железные дороги, и, в конце концов, даже экономические картели! Именно те основанные на договорах организации, в которых самостоятельно организуется буржуазное общество, в которых оно выражает своё желание быть управляемым государством являют собой для Кропоткина человеческую, антропологическую утопию.

Вообще же, исторический анархизм не может обойтись без позитивной антропологии. *Человек* по своей природе является свободным, мыслящим, бунтарским существом. *Бакунин* был менее наивным, чем Кропоткин, что касается «свободного договора», поэтому он смог обосновать революцию только в морали, в экзистенциальной ситуации бунта. Свобода возникает из принятого решения, из *acte gratuit* отказа, не задающего вопроса о выгоде и свидетельствующем о своём волении своим действием. (2) Но и это экзистенциалистское обоснование упразднения государства не может постичь логической взаимосвязи общества и государства. Государство кажется только тем, чем оно и является; игра отражений продолжается:

«Очевидно, что все так называемые общественные функции государства в действительности представляют не что иное, как решительное и непрерывное отрицание насущнейших интересов отдельных областей, коммун, ассоциаций и огромнейшего числа людей, подчиненных государству. Эти общественные функции представляют нечто отвлеченное, фикцию, ложь, и государство в целом есть подобие обширной бойни или огромного кладбища», пишет Бакунин в 1871-м г. в сочинении «*Парижская коммуна и понятие государства*». И далее: нищета общества основана «на принципе и факте всяческого правительства». Анархизм организует «антипо-

литическую силу» ради радикального «отрицания государства», ради упразднения всякой «формальной свободы, жалованной, размеренной и регламентированной государством». (3)

Взаимосвязь, согласно которой члены общества в ходе разумного преследования своих экономических интересов должны желать государственного авторитета как дополнения и условия своих интересов, анархизмом до сих пор не понята. Новые попытки представить анархизм как практику упразднения государства остаются в традиционной схеме. Свидетельством тому служит «Ежегодник ненасильственных и либертарных действий, политики и культуры. Пути неподчинения».

Предпринятая, к примеру, С. Мюнстером в эссе «Экстремизм и революция» попытка возрождения «бакунинского понятия свободы» не случайно несёт черты буржуазного прародителя понятия договора, Иммануила Канта. (4) Мюнстер пишет, мол, бакунинское понятие свободы заключается в «введении морального закона, действовать так, чтобы действующий мог и тогда согласиться со своим действием, когда он взвешивает интересы тех, кого его действие затрагивает». (5) В конечном итоге, остаётся лишь необоснованная надежда на возвращения условий 19-го века: новые социальные движения указывают на то, что «сферы пересечения между гражданином и государством становятся хрупкими. Так, на новом историческом уровне повторяется то, что придавало силу историческому анархизму: государство было внешним, принуждением, в крестьянских, ремесленнических обществах для него не было функции, оно пришло извне и при помощи насилия собирало рекрутов и налоги, оно защищало обладателей собственности в то время как работа делалась без них». (6)

Мюнстер не случайно приписывает этим новым социальным движениям то, что, согласно РАФ, было результатом террора. В заявлении к похищению (Ганса Мартина) Шляера в 1977-м г., «Партизанская война, антиимпериалистический фронт и сопротивление» (1983), они писали, что государство было вынуждено «стать новым сильным государством, бороться с любым критическим жестом и противопоставить себя обществу в его мельчайших разветвлениях в виде неизбежного аппарата». (7) Даже если не считать анархизм и терроризм двумя сторонами одной медали, как это делается в буржуазном предрассудке, то соответствие всё равно оказывается очевидным: *субъектом оппозиции и революции* может быть только, как ещё у Кропоткина и Бакунина, «общество», «народ» или даже, в самой крайней конкретике, «люди».

Сказывается являющийся для анархизма конституитивным отказ от классового анализа буржуазного общества. Становится систематически невозможным развить понятие государства. Это инструктивно демонстрируется в эссе Бенрда Ульриха и Штефана Затхофа «Гражданское неповиновение — немецкая травма».

При помощи имманентной критики буржуазной теории демократии они пытаются «найти позицию вне теории буржуазной демократии». (8) Они показывают, что, в конечном итоге, не может быть демократически обоснованного сопротивления против формально легальной государственной власти. Но в то же время необходимое сопротивление должно ссылаться на признаваемый всеми разумным принцип, если результатом критики не должен стать элементарный произвол. Условием верности правила большинства при законодательных решениях они называют «обратимость»: если действует принцип народного суверенитета, но действия законно избранного

правительства ограничиваются теми решениями, которые могут быть отменены следующим правительством. Поэтому решения, касающиеся атомной энергии и атомной войны, являются недемократическими решениями, против которых существует обязанность сопротивления.

Они пишут: «Уничтожение какого-либо народа служит крайним случаем уничтожения его прав», и считают, что привели этим материальный довод в пользу истинной и против формальной демократии. «Трудности выживания в демократии не предусмотрены» (9) — но странно то, что они точно также могли бы продемонстрировать это не на примере одного индивида, а на примере «народа». Для «гражданина в униформе» верно то, что принятое против его личной воли решение о ведении войны — которая по Затхофу/Ульриху не отменяет права большинства — имеет для него необратимые последствия: если он погибнет, то он не сможет на следующих выборах остановить войну. Или, говоря иначе: оспаривать право государства принимать решение о войне и мире можно было бы можно и по вопросу, почему это государство имеет право принимать необратимые решения для людей на своей территории, даже не обладающими гражданским статусом — иностранцах, несовершеннолетних и т.п.

Затхоф/Ульрих не рассматривают демократию как *форму государства*. Посему их критерии сопротивления столь же произвольны, как и любые другие. После всех, бесспорно верных возражений против теории правового государства Хабермаса и др., они снова впадают в либеральную веру, что сама демократия не может быть виновата в войне, а лишь «демократический дефицит», «недостаток демократии». (10) А это старый вывод, сделанный Кантом, который объяснял войну исключительно произвольным решением абсолютного суверена: собрание свободных и равных граждан, представленное в парламенте как единственном месте легитимных и легальных решений, по причине своей конституции не может согласиться на войну. (11)

Сопротивление государству поэтому, в конечном итоге, является сопротивлением в пользу государства: действие за полное подчинение исполнительной власти парламенту, оппозиция войне как результату влияния привилегированных групп (оборонной промышленности) на политику. «Этот дух свободы распространяется также вовне даже там, где ему приходится вести борьбу с внешними препятствиями, созданными правительством, неверно понимающим самого себя». (12)

Модель «общество против государства» может мыслить государство лишь как необоснованный авторитет. Современный анархизм последовательно выливается в *революционный либерализм*, как рассуждает С. Янсон своей статье в «Ежегоднике». (13) Из элементарного факта: «Конституция может сохранить свою функцию как источник легитимации буржуазной государственности только, если в ней учитываются интересы общества» (14), из факта, что существует та самая необходимая взаимосвязь между буржуазным обществом, государством и правом, постоянно отрицавшаяся историческим анархизмом — из этого делается вывод, что эти интересы в противоположность государству как неконтролируемому насилию уже являются эмансипативными, разумными и всеобщими интересами.

Как «революционный либерализм» современный анархизм восстаёт против *системы* и принимает сторону *жизненного мира* — в смысле анархистской интерпретации

коммуникативной теории Хабермаса (15), сопротивляющегося «колонизации жизненного мира». (16) Другой практики, кроме как на полном серьёзе воспринимать фразы новых социальных движений, вроде «противопоставления жизни насилия», нет. Подразумевавшееся как фундаментальное предисловие к «Путиям неподчинения» обобщает это таким образом: «Заинтересованность против 'общего интереса', т.е. государства». (17) Но каким образом в обществе, для которого противоречие между обществом и государством, между частником и гражданином является образующим, которое организует суверенность как динамическое отношение, можно различать между повседневным сопротивлением, к примеру, объединения госслужащих, и революционной практикой?

В теоретической невозможности обоснованно разрешить этот вопрос в рамках анархизма отражается слияние классического анархизма Бакунина с гражданским неповиновением по Ганди и Г.Д. Торо. *Анархизм становится вопросом морали*, запрещающей прагматическое размышление о соотношении цели и средств: борьба против насилия, которая ввиду объективной структуры суверенитета всегда делает неизбежной милитаризацию оппозиции, может быть организована только как «ненасильственная», если не должна быть дискредитирована цель. «Ежегодник» последовательно загоняет проблему в сноску внизу страницы: «Позиции, в которых мы нуждаемся, чтобы не погибнуть и действительно противостоять царящим структурам, и позиции, соответствующие свободному обществу, существенно различаются. Нам не избежать этой дилеммы». (18)

Ах, две души живут в больной груди моей! «Ежедневник» выливается в *теорию государства* там, где нужно было начинать: с вопроса, как вообще складывается эта «дилемма» между моралью и политикой, между правом и насилием, между тем, от чего лучше было бы воздержаться, и тем, что приходится делать. Анархизм пребывает в этой дилемме, пока он вообще пытается *теоретизировать* государство.

10.

Как радикальный либерализм анархизм желает буржуазного общества без капиталистического обобществления, о котором он, соответственно, не имеет понятия. «Общество без государства» – это мечта о создании *буржуазной гегемонии без принуждения*, консенсуса рынка без фабричной деспотии. Имманентная взаимосвязь между демократией и деспотией, необходимость деспотии для функционирования демократии остаётся тайной. Анархизм желает политической формы буржуазного общества без его социального содержания.

11.

В то же время: как принципиальное возражение против приказа, дисциплины и авторитета, а также как принципиальное упорствование в критике буржуазного общества как основанного по казарменному принципу, анархизм наполовину является *критикой государства*. Но из-за того, что он выводит государство из этого *принципа авторитета* и произвола, он становится государственной теорией, революция парализуется в игре зеркальных отражений буржуазного общества. Марксизм мог бы быть другой половиной этой критики государства, когда он исследует авторитет на предмет его социальной конституции и обосновывает последнюю в принципиальном анализе классового характера буржуазного общества. Но тем, что он выводит

государство из капитала, марксизм тоже становится теорией и наводит на мысли о разумном использовании государственной власти. Кто «выводит» государство, тот/та уже легитимировал/а его как объект теоретизации — т.е. как разумный сам по себе объект.

Примечание

Половина не становится целым при помощи сложения. В этом заключается ошибка всех попыток, к примеру Эрнста Блоха, втиснуть испанский анархизм в сокращённый до сталинистского государственного экстаза марксизм или даже, как у Вольфганга Хариха, требовать «коммунизма в духе поджигательства супермаркетов». (19) Блох упорствует, несмотря на вопрос, переродился ли марксизм в сталинизме «до узнаваемости или до неузнаваемости» (20), в том, чтобы задавать этот вопрос только «настоящим марксистам». Точно так же и попытка Бакунина дополнить критику авторитета критикой капитала остаётся только внешней и чисто вербальной. (21) В конце концов, все подобные попытки сложения не выходят за рамки признания, что анархизм с марксизмом имеют общие конечные цели и различаются лишь в средствах — но это было известно и так. (22)

12.

Марксизм в его исторической форме стал выражением увековечивания капитала при помощи пролетарских средств. Так, он немного больше, чем идеология организованных в профсоюзах рабочих-специалистов, которая стремится вынудить частный капитал перенять заботу о воспроизводстве человеческого капитала, чтобы превратить его таким образом в капитал государственный. Как идеология труда он является идеологией переменного капитала, живой стоимости. В политике марксизм является восстанием против «нетрудового дохода», бунтом против ненужного для производства капиталиста, обладающего лишь правом собственности и, тем самым, правом на проценты. *В конечном итоге, в марксизме капитал является столь же внешним по отношению к производству, как государство по отношению к обществу в анархизме.* Потребительская стоимость производства кажется этому марксизму во всеобъемлющей логике труда столь же гарантированной, как анархизму — общественная потребность в свободе несмотря на всё государственное искажение. То, что служит анархизму народом или обществом — фетиш разумной общности, для марксизма — труд. Так называемое «противоречие между наёмным трудом и капиталом» воспроизводит капитал на другом уровне.

13.

Поэтому политикой государства в марксизме считается обобщение труда как процесс упразднения власти. Если капитал в ходе своей собственной (трудовой) логики низводит себя до простого права, до частной собственности как до поверхностной гарантии присвоения прибавочной стоимости и её урегулированного распределения среди класса собственников, то революция, как конечный результат упразднения этого права, является одновременно упразднением государства как государства классового, его превращением в нейтральный инструмент распределения потребительской стоимости. Противопоставляемое капиталу «право на труд» превращается во всеобщую трудовую повинность. «Социальное рабочее государство» (Карл Каутский) — это государство труда, идеальный совокупный наёмный рабочий, когда он непосредственно становится идентичен «идеальному совокупному капиталисту»,

т.е. «государство всего народа» (программа КПСС, 1961 г.), или только стремится к этой идентичности, т.е. «социальное государство».

Примечание

Относительно общественной и исторической функции, которую выполнял марксизм, попытка «реконструировать его аутентичное содержание» (хобби академического бунта 1968 г.) или разменять «позднего» Маркса времён «Капитала» на Маркса времён «Философских манускриптов» (хобби прогрессивных попов и левых социал-демократов) является интеллектуальным развлечением.

Марксизм всегда мыслил государство в рамках позитивной, удвоенной в политическом измерении *метафизики труда* — от раннего Маркса вплоть до позднего Энгельса. *Sit venia verbo*: Маркс всегда был минимум на 90% каутскианцем, а посему — ленинистом. Труд как процесс «порождения человека человеческим трудом» (23) определяют то соотношение сущности и явления, причины и следствия, которое, в конечном итоге, тем, что оно предполагает дедуктивный вывод, должно гарантировать пролетарское сознание как эмансипационное: «принцип труда» есть идеализм сродни мировому духу Гегеля.

Уже в марксовой «*Критике гегелевской философии права*» заложено то, чему позже было суждено разрастись до «диктатуры пролетариата»: «Государство есть посредник между человеком и свободой человека». (24) Тем, что буржуа раздваивается, распадается на эгоистического и всеобщего человека, гражданина, он провоцирует впадение общего в частное и создаёт, «когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства» (25), объективные условия для революции. *Марксистская теория государства есть теоретизация этого удвоения*. Частная собственность как юридическое исключение производителей из присвоения их собственного продукта — это лишь экономический аспект цензусного избирательного права как исключения неимущих из демократического голосования о содержании суверенитета. Если цензусное избирательное право отменяется, то государство может поставить под вопрос и частную собственность. В этом смысле, например, в «*Классовой борьбе во Франции*» значит: «Но главное противоречие этой конституции заключается в следующем: посредством всеобщего избирательного права она дает политическую власть тем самым классам, социальное рабство которых она должна увековечить, — пролетариату, крестьянству и мелкой буржуазии». (26)

Теория республики есть обращённая в политическое теория акционерного общества — *анонимизация* управления посредством упразднения цензуса и личной унии собственности и командования уже служит *упразднением власти*. «Безымянное царство республики» (27) как анонимное является и безвластным, по крайней мере, виртуально, т.е. до тех пор, пока политические условия свободы простираются в экономическую сферу, а гражданин государства является и «экономическим гражданином». Государство, мыслимое согласно знаменитой формуле Энгельса как «идеальный совокупный капиталист», полностью растворяется в рациональной гарантии титулов собственности, является просто экспонентой гарантии присвоения прибавочной стоимости — без малейшей самостоятельной жизнедеятельности. Это та позитивная, вытекающая из трудовой диалектики субъекта и объекта, из сущности и явления, из экспроприации и присвоения философия, делающая из марксизма

«научный социализм». Как позитивная философия сущности он является рационализированной формой дурной метафизики. Ибо «метафизика труда комплиментарна присвоению чужого труда». (28) Марксистская теория государства как метафизика труда в политической сфере понимает эмпирию как явление, а протест явления против сущности как иррационализм. Тем самым она способствует репрессивному присвоению частного общим. Николай Бухарин:

«Так, всеобщая трудовая повинность в системе государственного капитализма есть закабаление рабочих масс; наоборот, в системе пролетарской диктатуры она есть ни что иное, как трудовая самоорганизация масс; мобилизация промышленности в первом случае есть усиление власти буржуазии и укрепление капиталистического режима, тогда как во втором она есть укрепление социализма; все формы государственного принуждения в государственно-капиталистической структуре есть пресс, который обеспечивает, расширяет и углубляет процесс эксплуатации, в то время как государственное принуждение при пролетарской диктатуре есть метод строительства коммунистического общества. Одним словом, *функциональная противоположность формально сходных явлений предопределяется здесь целиком функциональной противоположностью организационных систем, их противоположной классовой характеристикой*». (29)

Диалектика сущности и явления — диалектика негативная, и возможна лишь как осмысление уподобления явления сущности. В противном случае, она впадает в метафизику, чьи жертвы — и судьба Бухарина отчётливо подтверждает это — лишаются даже права на протест. *Иначе говоря*: марксизм как позитивное определение сущности труда, для которого капитал есть «производство ради производства, означает ни что иное, как развитие человеческих производственных сил, т.е. развитие человеческой природы как самоцель» (30), является непроизвольной аффирмацией капитала.

14.

Марксизм мыслит политическое как потенцию экономического антагонизма эксплуатации. *Анархизм* мыслит экономическое как потенцию политического антагонизма власти. Но оба понимают свой предмет вне категорий дуализма: *экономика* кажется мешаниной из эксплуатации и «обобществления труда»; *политика* кажется кашей из государственного авторитета и общественного согласия и свободы. *Теория* непринуждённо возникает из сведения этого неизлечимого дуализма к отношению между сущностью и явлением.

15.

Маркс и Бакунин как основатели этой модели в стане оппозиции не дотягивают до уровня предмета своей критики, поскольку не дотягивают до уровня гегелевской философии государственности. В своей конституционной неспособности осознать *сущность* как условие возможности *вообще* понять предмет в категориях дуализма и, посему, быть в состоянии одновременно высказывать как верные, так и неверные вещи, они не могут представить её себе и как *антисущность*.

Примечание

Маркс и Бакунин являются учениками и критиками Гегеля, когда они показывают, что примирение государства с обществом не может удасться в рамках «Философии права». Знаменитое высказывание *Бакунина*: «Страсть к разрушению есть

вместе с тем и творческая страсть» (31) происходит от того, что он не следует гегелевскому «отрицанию отрицания» буржуазного общества посредством государства, останавливается на «простом отрицании» и считает, что упразднение государства непосредственно породит общество свободы. Собственность падёт вместе с государственной гарантией наследственного права. Но в гарантии этого права государство было одновременно внешним узурпатором социального, по собственной логике уже перешагнувшего государственные рамки. Бакунин считает, что Гегель мыслит примирение государства с обществом только в форме насилия, а потому — насилия против гражданина. *Он прав в первом, но ошибался во втором.*

Маркс доказывает, что Гегель может представить себе применение гражданина и буржуа лишь иллюзорно, что этому примирению в реальности ничего не соответствует, кроме самой буржуазной шизофрении. Буржуа становится гражданином лишь при помощи полнейшего абстрагирования от общественной жизни, посредством «пресуществления». (32) Человеческая общность гражданина только скрывает общность эгоистических интересов буржуа. Маркс считает, что общее у Гегеля — вовсе не истинное общее, т.к. не ведёт обособленного существования. *В первом он прав, но ошибается во втором.*

Характерно, что марксова критика Гегеля останавливается до того, как Гегель переходит от определения внутриобщественного к определению *межгосударственного* суверенитета. Его критика доходит до §313; Гегель же определяет в §328 своей «Философии права» примирение гражданина с буржуа *как реальное и, следовательно, негативное*. Это реальное объединение есть солдат, он служит примером «самых враждебных, и притом личных, действий, направленных против индивидов при полнейшем безразличии и даже доброжелательном отношении к ним как к индивидам». (33) Непосредственное приношение индивидуальности в жертву государственному интересу есть реальный, происходящий насильно *и с согласия* гражданина (34) синтез государства и буржуазного общества, политики и морали, гражданина и буржуа. (35) Тем, что Гегель отслеживает развитие самого суверенитета, синтез общего и частного для него возможен только в негативной форме. Сущность, которую Гегель стремился обосновать как чисто аффирмативную, оказывается антисущностью. Таким образом, сам Гегель оказывается «метафизическим мыслителем капитала». (36)

16.

Негативная диалектика может мыслить сущность как антисущность. Это — условие того, чтобы понимать некий предмет дуалистически. Государство не является ни правом, ни насилием; оно является и правом, и насилием; гегемонией посредством принуждения и консенсусом при помощи полиции. Как суверенитет оно является условием того, что в государстве вообще можно отличать насилие от права. Понятие суверенитета указывает на негативную диалектику стоимости. А оную не могут помыслить ни марксистская, ни анархистская теория государственности.

17.

«Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении. (...) Суверен стоит вне нормально действующего правопорядка и все же принадлежит ему, ибо он компетентен решать, может ли быть *in toto* приостановлено действие конституции. (...) В исключительном случае государство приостанавливает действие права в силу,

как принято говорить, права на самосохранение. (...) Исключение объясняет общее и самое себя. И если хотят правильно исследовать всеобщее, нужно лишь ознакомиться с настоящим исключением». (37)

18.

Субъект суверенитета нетеоретизируем. Но от его критики зависит всё остальное, что касается государства. Субъект суверенитета бессубъектен, но принимает, в конечном итоге, обязательное и насильственное решение. У него нет вещественной формы, но он постоянно материализуется в ситуации «угрозы существованию государства». (38) Где появляется суверен — непредсказуемо и недоступно любой теории государственности, но, тем не менее, он является условием теории государственности вообще. Он принадлежит законному порядку, но стоит в форме легитимности вне и над ним.

Примечание

Суверенитет *практически* занимает ту «позицию вне буржуазной демократии», которую Затхоф и Ульрих (39) хотят занять в имманентной критике в эмансипационном смысле. В этом стремлении становится видно, что свержение суверена возможно только *созданием антисуверена*. Это — рациональное содержание формулы «диктатуры пролетариата», если не обращать внимание на социологическую обусловленность субъекта антисуверенитета и содержащийся в ней ленинизм. В этом смысле стоит понимать и слова Фридриха Энгельса об «отмирании государства»: как только государство выступает в роли всеобщего, то как государство оно тут же становится частным и, тем самым, никчёмным. *Из этого* следовало бы развить вопрос о революционной организации.

19.

Суверенитет — это то отношение, которое как условие возможности понимания государства в дуалистической перспективе права и насилия, не подчиняется основному правилу теории — закону исключённого третьего. Посему государство и капитал не могут состоять в причинно-следственном отношении, более того: *суверенитет есть политический аспект капитала, а капитал — лишь экономический аспект суверенитета*. Они состоят в отношении удвоения и дополняемости: экономический синтез нуждается в политическом, политический — в экономическом. Удвоение экономического в обменной и потребительской стоимости, их синтез в стоимости необходимым образом является удвоением политического в формах гражданина и буржуа, их синтезом в суверенитете.

Примечание

Поэтому вопрос, создаёт ли государство капитал посредством права наследования или капитал — государство, не только излишен, но и глуп. Буржуазное общество отменяет этот вопрос в соответствии с происхождением и развитием. Спор между анархизмом и марксизмом представляется спором между историей и логикой, не замечая того, что это отношение может мыслиться лишь в рамках негативной диалектики — как уже сконструированное заранее. Логичным образом обе системы предполагают необходимость исторического процесса там, где произошла историческая катастрофа, поместившая государство и капитал, историю и логику и т.п. в процессообразное отношение. (40)

20.

Поместить государство в противоречие права и насилия, требует помещения экономики в противоречие «республики рынка» и «деспотии фабрики». Это же отношение, образующее республику и деспотию как две стороны одной монеты, одновременно является синтетической сущностью буржуазного обобществления, стоимостью. Эта та сущность, которую негативная диалектика рассматривает как антисущность. Стоимость есть экономическое условие того, что политика предстаёт в форме игры зеркальных отражений.

Примечание

«Суверен (...) сводит воедино конкуренцию правд так, что ни одна не может победить, а лишь помогает воспроизводить игру посредством противоречия». (41)

«(Этим демонстрируется) глупость социалистов (прежде всего, французских, желающих доказать, что социализм есть реализация высказанных Французской революцией идей *буржуазного общества*), которые показывают, что обмен, меновая стоимость и т.п. *изначально* (во времени), либо *по идее* являются системой всеобщих свободы и равенства, но искажаются деньгами, капиталом и т.д. (...) Им следует ответить: (...) то, что им кажется помехой при дальнейшем развитии системы, является её имманентной помехой, именно развитие *свободы и равенства*, которые оказываются несвободой и неравенством. (...) Что отличает этих господ от буржуазных апологетов — это, с одной стороны, нюх на противоречия, содержащиеся в системе; с другой — утопизм, непонимание неизбежного различия между реальной и идеальной формой буржуазного общества и желание взяться за никчёмное дело реализации этого идеального выражения, на самом деле являющегося лишь отражением этой действительности». (42)

21.

Марксова критика политической экономии — понимаемая как негативная диалектика антисущности — предоставляет нам инструменты критики суверенитета в *критике денег*. Деньги столь же мало постижимы умом, как и сам суверенитет. Они есть осязаемое овеществление абстрактного синтеза общества посредством стоимости. Деньги служат условием единства самой крайней субъективности (потребность, спрос) и самой крайней общности (рынок, предложение), равно как суверенитет служит условием единства произвола, насилия, авторитета и легитимности, с одной стороны, и предсказуемости, права и легальности, с другой.

22.

Поэтому не может быть *теории* суверенитета, как не может быть теории денег и формы стоимости. Правдой о государстве как о неверном отношении является его упразднение так же, как *теоретической правдой* о капитале может быть его *практическое устранение*. Этот материалистический парадокс воспроизводит *ex negativo* форму буржуазного обобществления, когда он обостряет её. В вопросах государства и капитала не может существовать соотношения *теории и практики*, а только соотношение *критики и кризиса*, разоблачения идеальных форм обобществления в надежде ввергнуть их реальные формы в кризис.

Примечание

Еженедельник «Пути сопротивления» полностью придерживается соотношения теории и практики, а посему логично, что он как в «теории», так и на «практике» не достигает уровня реальности. Он задаётся целью «устранения *теоретического*

дефицита», как будто возможно наполнить понятия наподобие картофельных мешков и переставить их в другое место. За речами о «теоретическом дефиците» всегда скрывается представление — тут авторы ежегодника не одиноки —, что правду можно воссоздать в теоретических дебатах, т.е. свести её к консенсусу. В результате остаётся едва ли что-то большее, чем практика, т.е. приписывание «новым социальным движениям» новых смыслов, т.е. их простая интерпретация. В конечном итоге, это приводит к лево-критическому позитивизму в теории и на практике.

23.

Надежда спровоцировать кризис критикой не подкрепляется ни чем. Марксизм, понятый как негативная диалектика антисущности, столь же мало в состоянии указать субъект революции, как и исторический анархизм Бакунина. Как *критика*, он есть строгий антиутопизм, именно по этой причине молча хранящий верность утопии. Отсыл к позитивной общности критике запрещён, т.к. сама общность как общественная возможна только как негативная и подлежит упразднению. Критика есть *провокационное утверждение*, что общественные индивиды не могут считать результаты своего обобществления результатами своей воли — т.е. контрафактное утверждение, что помимо игры отражений гражданина и буржуа возможно что-то ещё. Критика есть отрицание идеальных форм обобществления как провокация и негарантированный переход к практическому отрицанию их действительных форм. Отсюда и волюнтаризм чистейшей воды.

Примечание

Объективным состоянием общества является нигилизм, т.е. равно-значность всех ценностей как объективный результат буржуазного обобществления. (44) Критика Марксом Бакунина, что он, мол, может представить себе революцию только как чистейший волюнтаризм (45), поэтому, столь же верна как и неверна: иначе, чем чистый, ничем больше не обоснованный акт воли, революция больше немыслима — но тем самым она больше не мыслима как разумная. Ездить в курятнике на мотоцикле столь же разумно, как и основывать революционную организацию — причины субъективной патологии, делать одно и не делать другого, верификации не поддаются.

24.

Критика буржуазного общества не может вытекать только из различий между чрезвычайным и «нормальным» положением. Она должна быть синопсисом критики государства и капитала, одновременно мыслящим одно в другом из двойной перспективы экономического кризиса и политического переворота. Следует проверять протест против приказаний и авторитетов на предмет его критического отношения к буржуазной гегемонии — не предпочитает ли он просто «анархию рынка» против «планового производства на фабрике». Критика должна положить конец воспроизведению игры отражений в оппозиции, если терапия не намеревается сделать болезнь непобедимой.

25.

В роли насильственного гаранта легальности рынка государство гарантирует легитимность фабричной деспотии так же, как капитал на своей поверхности, в роли республики рынка создаёт и воспроизводит легитимность буржуазного правопорядка. Социальное содержание буржуазной легальности, эксплуатация, является

политическим содержанием государственной легитимности: иерархия, приказ, принуждение. Одно без другого неупразднимо, но одно — только посредством другого.
26.

Таким образом, исчезают исторические раскол и вражда между анархизмом и марксизмом. Анархия как свобода без насилия непосредственно мыслима только в социализме как насилии против свободы предпринимательства.

Перевод с немецкого.

Сноски:

1) Пётр Кропоткин, «Хлеб и воля» <http://avtonom.org/sites/default/files/store/hleblivollya.pdf>

2) Peter Heintz, *Anarchismus und Gegenwart*, 3. Aufl., Berlin 1985, S. 18 f. und 58 f.

3) Михаил Бакунин, «Парижская Коммуна и понятие о государственности», http://www.informaxinc.ru/lib/anarchy/bakunin_5v/bakunin_iv.html#CO39

4) S. Münster, *Exterminismus und Revolution*, in: *Wege des Ungehorsams, Jahrbuch für libertäre & gewaltfreie Aktion, Politik & Kultur 1984*, S. 23.

5) там же

6) там же

7) RAF, *Guerilla, Widerstand und antiimperialistische Front (Mai 1982)*, in: *texte der raf*. Überarbeitete und aktualisierte Ausgabe, o.0., 1983, S. 600. RAF, *Guerilla, Widerstand und antiimperialistische Front (Mai 1982)*, in: *texte der raf*. Überarbeitete und aktualisierte Ausgabe, o.0., 1983, S. 600.

8) Bernd Ulrich/Günter Saathoff, *Ziviler Ungehorsam – ein deutsches Trauma*, in: *Wege des Ungehorsams*, a.a.0., S.100.

9) там же

10) там же

11) Иммануил Кант, «К вечному миру», 1795, <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000504/st000.shtml>

12) Immanuel Kant, *Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?*, in: *Ebd.*, S. 51 – 61, S. 60. Иммануил Кант, «Ответ на вопрос: Что такое просвещение», 1784, http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=754

13) Stefan Jansson, «...erkämpft das Menschenrecht!», in: *Wege des Ungehorsams*, a.a.0., S. 131.

14) там же

15) Stefan Breuer *Die Depotenzierung der kritischen Theorie. Über Jürgen Habermas' Theorie des kommunikativen Handelns*, in: *Leviathan. Zeitschrift für Sozialwissenschaft*, 10. Jg., 1982, H. 1, S. 132-146.

16) Redaktion *Wege des Ungehorsams*, «...oder Barbarei!», in: *Wege des Ungehorsams*, a.a.0., S.10.

17) там же

18) там же

19) Wolfgang Harich, *Kommunismus ohne Wachstum? Babeuf und der 'Club of Rome'*. Sechs Interviews mit Freimut Duve und Briefe an ihn, Reinbek bei Hamburg 1975, S. 124.

20) *Gespräche mit Ernst Bloch*. Herausgegeben von Rainer Traub und Harald Wieser, Frankfurt/M. 1975, S. 21.

- 21) Horst Stuke, Einleitung, in: Michail Bakunin, *Staatlichkeit und Anarchie* und andere Schriften, a.a.O.
- 22) И. В. Сталин, «Анархизм или социализм?», 1906-07 https://www.marxists.org/russkij/stalin/t1/anarchism_socialism.htm
- 23) Карл Маркс, «Экономическо-философские манускрипты», <https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/manuscr/7.htm>
- 24) Карл Маркс, «К еврейскому вопросу», <https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/jewish.htm>
- 25) там же
- 26) Карл Маркс, «Классовая борьба во Франции», https://www.marxists.org/russkij/marx/1850/class_struggles_france/02.htm
- 27) там же
- 28) Theodor W. Adorno, *Drei Studien zu Hegel*, Frankfurt/M.1963, S. 36
- 29) Николай Бухарин, «Экономика переходного периода», 1920 <http://www.pseudology.org/state/BukharinEconomica1920a.pdf>
- 30) Karl Marx, *Theorien über den Mehrwert*, in: MEW 26.2, S. 111.
- 31) Михаил Бакунин, «Реакция в Германии»
- 32) Карл Маркс, «К критике гегелевской философии права»
- 33) Г.В.Ф. Гегель, «Философия права»
- 34) ср. Гегель о патриотизме, там же
- 35) О формировании этого противоречия и его негативного синтеза ср.: Initiative Sozialistisches Forum, *Die Entstehung der Psychokratie aus dem Selbstwiderspruch der bürgerlichen Gesellschaft*, in: Dies., *Diktatur der Freundlichkeit*, Freiburg 1974, S. 13ff.
- 36) Hans Jürgen Krahl, *Bemerkungen zum Verhältnis von Kapital und Hegelscher Wesenslogik*, in: Oskar Negt (Hrsg.), *Aktualität und Folgen der Philosophie Hegels*, Frankfurt/M.1971, S.141-150, hier S.145.
- 37) Карл Шмитт, «Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете», <http://pavroz.ru/files/schmittpt.pdf>
- 38) там же
- 39) Bernd Ulrich/Günter Saathoff, a.a.O., S.100.
- 40) Вольфганг Порт, «Разум и история у Маркса», 1978 <http://liberadio.noblogs.org/?p=1290>.
- 41) Alex Demirovic, *Philosophie und Staat. Althussers philosophische Strategie und der hegemoniale Status der Philosophie*, in: *Das Argument* 152/1985, S: 562.
- 42) Karl Marx, *Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie (Rohentwurf) 1857-1858. Anhang 1850-1859*, Berlin 1953, S.160.
- 43) Herausgeber & Verlag, *Auf den Weg begeben...*, in: *Wege des Ungehorsams*, a.a.O., S. 4.
- 44) Vgl. Stefan Breuer, *Sozialgeschichte des Naturrechts*, Opladen 1983.
- 45) Vgl. Karl Marx, *Konспект zu Bakunins Buch "Staatlichkeit und Anarchie"*, in: MEW 18, S. 597-642.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Йоахим Брун
Упразднение государства. Тезисы о соотношении анархистской и марксистской
критики государства
1994

Скопировано 10.12.2020 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=1517>

ru.theanarchistlibrary.org